УДК 81 – 13 : 004.5

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Шевченко В. А., аспирант

Запорожский государственный университет

В какой степени язык, генетически и функционально являясь социальным орудием, подконтролен общественной воле? Традиционным является мнение об "объективности" языковых изменений, согласно которому они лишь *опосредованно* или в *ограниченной* мере отражают "субъективную" общественную волю. Не только лингвисты, но и исследователи словесности вообще признают, что любой лингвистический процесс, какое бы негативное отношение он ни вызывал у тех или иных носителей языка, «естественен, нормален» [1, 180], пусть даже «как нормальны старение и смерть» [там же]. При этом субъектом оценки языковых процессов могут выступать различные силы — правительственная цензура, литературная критика, лингвисты, литературоведы, наиболее образованная часть общества вообще. Однако, согласно данной точке зрения, ни одна из этих сил не в состоянии *сознательно* направить процессы развития языка в какое-либо представляющееся ей желательным русло.

Взглянуть на эту проблематику в новом свете позволяют последствия технологического развития общества, в особенности — информационная революция. Скачкообразно возросшая эффективность создания, передачи, обработки и хранения информации не могла не отразиться на языке, одной из главнейших функций которого, как известно, является участие в коммуникационных процессах. Информационная революция сделала более заметной разницу между объективным и субъективным началами в лингвистической эволюции, что позволяет более детально рассмотреть как пределы, так и саму специфику отражения языком общественной воли.

Событием, ознаменовавшим начало информационной революции, стало появление в первой половине XX века феномена "массовой коммуникации". Суть процесса массовой коммуникации заключается в “целесообразно организуемом систематическом распространении особым образом подготовленных сообщений среди рассредоточенных аудиторий с применением технических средств тиражирования информации” [2, 169]. В жизни общества возник целый ряд явлений, определяемых как “массовые” — т. е. доступные для или ориентированные на аудитории значительных размеров.

Появление массовых коммуникаций стало переломным моментом во взаимоотношениях между объективными языковыми процессами и субъективной общественной волей. Как известно, идиолект каждого из носителей языка является объектом воздействия индивидуальных особенностей языка партнеров по коммуникации. Посредством текстов или информационных сообщений язык автора оказывает определенное воздействие на идиолект реципиента данного текста, или, выражаясь образно, "не только читатель читает текст, но и текст читает читателя" [3, 46]. Следовательно, резкое увеличение аудитории информационных изданий означало возможность существенного воздействия единичных текстов на язык в целом. В результате, общелитературная норма стала все более подверженной влиянию языка средств массовой коммуникации. Какие последствия это имело для взаимоотношений между языковым развитием и попытками его социального контроля?

Любопытным примером воздействия языка массовой коммуникации на общелитературную норму стало использование информационных средств в СССР. Применяя СМК в целях пропаганды идеологии, государственный аппарат распространял не только идеологическое содержание, но и выражающую его форму, т.е. языковые средства. Результатом стало возникновение в общелитературной норме русского языка многочисленных "советицизмов", заимствованных из (подъ)языка советских средств массовой коммуникации (что в СССР было равносильно языку агитации и пропаганды). Присутствие искусственно насаждаемых штампов и клише было настолько ощутимо, что с началом перестройки стало предметом сатирических выступлений.

Как видим, случай СССР демонстрирует усиление контроля общества (или, по крайней мере, его части — элиты) над процессами языкового развития, обусловленное становлением массовой коммуникации. Это, впрочем, не дает достаточных оснований полагать, что массовые коммуникационные процессы вообще способствуют подконтрольности лингвистических процессов общественной воле. По всем известным причинам Советский Союз нельзя назвать полноценным информационным обществом. Это не правило, а хотя и исключительная, но наглядная иллюстрация потенциальных возможностей массовой

коммуникации, которые могут развернуться в отсутствие определенных факторов, более характерных для обществ со свободной циркуляцией информации.

Какие именно факторы здесь имеются в виду? В демократических странах Запада коммерческие средства информации, будучи “массовыми”, ориентируются не на идеологические установки меньшинства (будь то устремления правящей партии или мнения филологов-пуристов), а на ценности своей *массовой* аудитории, в том числе — на язык, используемый большинством читателей/слушателей в повседневном общении. Именно поэтому, чтобы "сблизиться" с реципиентом и донести до него информацию в наиболее доступном виде, авторы массовых информационных сообщений даже готовы идти на отклонение от литературных норм, если таковые не являются принятыми в повседневном просторечном общении. В отличие от ранних этапов развития средств распространения информации, современные средства массовой коммуникации стремятся всячески избежать образа “невовлеченности” в повседневные, обычные процессы межличностного общения, приближая свой язык к языку повседневной коммуникации, граничащему с разговорным. Как представляется, на данном этапе развитие языка идет в направлении, противоположном выработке феноменов, отличных от языка повседневного общения. В качестве примера последних можно привести BBC English [4, 113]. Выступления же о несоответствии неких языковых инноваций тем или иным нормам в большинстве случаев обречены появляться в пределах специальных, относительно *немассовых* информационных органов.

Таким образом, мы получили основания предположить, что общество, взятое в аспекте его *массовости, народности, демократичности,* является одним из основных источников и определяющих факторов протекания "объективных" лингвистических процессов в их противопоставленности "субъективной" общественной воле, выражаемой *меньшинствами* (руководящими элитами или же наиболее образованными слоями). Развитие массовости коммуникационных процессов, следовательно, служит ослаблению субъективного контроля над языковыми процессами. При этом определяющую роль играет то, что в лингвистическом смысле массовость означает прежде всего переориентацию с нормативных, фиксированных стилей на просторечные, разговорные, повседневные, являющиеся традиционным поставщиком лингвистических инноваций.

Наше предположение о *массах, народе* как одном из определяющих факторов протекания "объективных" лингвистических процессов подтверждается последствиями дальнейшего развития средств коммуникации. Оно происходило не только в сторону совершенствования аппаратных средств, но и в сторону увеличения доступности уже существующих. В результате, массовой в смысле своей *общедоступности* стала не только возможность получения информации, но и возможность ее распространения. Причем, здесь имеется в виду как использование "традиционных", печатных средств информации (напр., "desktop publishing"), так и "новых", основанных на применении компьютерных сетей (напр., создание веб-сайтов, потенциальными читателями которых могут быть сотни миллионов пользователей Интернета; участие в системах рассылки электронных сообщений, читателями которых станут тысячи подписчиков — "mailing lists", "newsgroups", "bulletin boards" и т.д.). Развитие *массовой доступности* средств коммуникации сыграло немаловажную роль в том, что уже 1980-е годы стали "десятилетием "Я" [5, 482], характеризующимся доминацией индивидуализма и отрицанием общественности, неприятием любых форм общественного контроля, в частности — над использованием языка.

Очевидно, что в таком случае возможность создавать и распространять массовые информационные сообщения имеют не только те, кто прошел для этого специальную подготовку, но и те, кто не обладает достаточными навыками составления массовых сообщений или даже недостаточно ознакомлен с нормой данного языка. В результате, идиолекты, довольно далеко отстоящие от нормы, могут оказывать существенное влияние на последнюю. Более того, представляется, что уже возможно вести речь о некоторой “расплывчатости” литературной нормы, находящейся под все усиливающимся влиянием ненормативных средств, которые массово распространяют современные средства коммуникации. Характерным признаком данной тенденции стало появление в английском языке в середине 90-х гг. XX века словосочетания "grammer slack", обозначающего толерантное отношение пользователей Интернета к орфографическим и грамматическим ошибкам. Как следствие, стали образовываться неологизмы, отличающиеся от исходной единицы общенормативного языка не только смыслом, но и графической формой (freaker ⇒ phreaker, dudes ⇒ doodz, loser ⇒ luser, wares ⇒ warez).

Доступность современных средств коммуникации проявляется как в их удешевлении, так и в упрощении их использования. Немаловажно и то, что современные общедоступные информационные средства труднее поддаются контролю различных государственных служб и поэтому выступают как демократизирующее, либерализирующее начало в общественной жизни [6, 677; 7, 13]. К примеру, правительство Франции с легкостью может осуществлять контроль за соблюдением квоты франкоязычной музыки радиостанциями, однако вряд ли осуществим контроль над языковым наполнением множества веб-сайтов, создаваемых гражданами этой страны. Такая неподконтрольность

Интернета способствует использованию его средств различными антиправительственными группировками; Чечня и восстание в мексиканской провинции Чиапас в 1994 году — характерные примеры [8]. Как свидетельствует рассмотренный выше пример СССР, подконтрольность/ неподконтрольность содержания информационных сообщений в такой же степени затрагивает и их лингвистическую форму, а следовательно — определяет активность образования ненормативных образований, противостоящих субъективной общественной воле.

Подверженности нормы ненормативным влияниям, на наш взгляд, способствует и тот факт, что, несмотря на увеличение доступности средств распространения информации, сообщения последних по-прежнему воспринимаются большинством населения как в той или иной степени авторитетные, несущие признаки определенной нормы. Поэтому, если даже в полученном сообщении содержатся ошибки, реципиент зачастую склонен наделять их нормативным статусом в силу априорной "авторитетности" каналов массовой коммуникации. Впрочем, представляется, что такая "авторитетность", приписываемая средствам массовой коммуникации, является пережитком времен, когда их задействование для распространения информации было доступно лишь крупнейшим институтам общества, и будет снижаться с увеличением доступности СМК.

Популяризация средств массового распространения информации привела к невиданному в истории коммуникаций феномену: создание и распространение информации стало таким же легким, как и ее потребление. Особенно заметно это было на ранних этапах развития сети "Интернет" [9, 677]. В результате, произошла нивелировка ролей автора и реципиента сообщений, *диалогизация* массовых информационных процессов. Появились такие средства коммуникации, которые не вписываются в традиционную схему разделения технологий на «массовые» (характеризующиеся односторонней связью и ориентацией на большую недифференцированную, анонимную аудиторию) и «интерперсональные» (характеризующиеся двусторонним общением ограниченного количества коммуникантов, обладающих знаниями друг о друге) [8, 627]. Главной причиной этого явилось совмещение (конвергенция) функций массовой и межличностной коммуникации. Технически, конвергенция стала возможной прежде всего благодаря технологическим прорывам, обусловленным применением цифровой электронно-вычислительной техники.

Более свободному выбору и использованию лингвистических средств в подобных каналах информационного обмена способствует так называемый “растормаживающий” [“disinhibiting” — 10, 270] эффект, наблюдающийся, в частности, при использовании компьютеризованных средств общения. Не имея возможности *непосредственно* (зрительно или на слух — как в случае телефона) воспринимать адресата, партнеры по диалогизированной массовой коммуникации более вольно ведут себя, в т.ч. свободнее используют языковые средства. Учитывая то, что, как указывалось выше, язык массовых коммуникационных сообщений тяготеет к разговорному, являющемуся традиционным поставщиком инноваций, данный эффект превращает современные средства коммуникации в своеобразную лабораторию активнейшего развития и опробования новых языковых средств, выходящих за пределы нормы и не поддающихся субъективному регулированию.

Функциональное уравнивание массового реципиента с автором массовых сообщений, возможность их равного взаимодействия, *интерактивность* выступает, таким образом, как максимальное выражение доступности эффективных средств информации, позволяющее массам играть решающую роль как в потреблении, так и в создании информационных сообщений.

Итак, мы обнаружили следующую причину ослабления субъективного контроля над объективными лингвистическими процессами. Доступность современных средств коммуникации, обусловившая появление у значительного количества носителей языка возможности неподконтрольного распространения массовых сообщений, способствует употреблению в них языка повседневного общения со всеми его отклонениями от литературной нормы. Тому же благоприятствует и рассмотренная выше тенденция массовости: ориентируясь на потребности большинства и, стремясь привлечь внимание масс, современные средства коммуникации приближают свой язык к языку повседневного общения большинства аудитории.

Одним из первых проявлений доступности распространения сообщений через информационные средства, их «сниженности», ориентированности на «обыденного» реципиента информации стала студенческая газета. Как отмечалось исследователями, статьи в ней «пишутся не профессиональными журналистами, а активистами…, в своем стремлении подчеркнуть внутригрупповое единство с … читательской аудиторией они мало заботятся о включении той или иной единицы в словарный состав, прибегают к практически неограниченному использованию сниженной лексики, просторечных и сленговых форм, способствуя тем самым "популяризации" молодежно-корпоративного жаргона с последующей актуализацией и закреплением в языке его части» [11, 20]. Именно поэтому студенческая газета дает богатейший материал для лингвистического исследования. Очевидно, данные свойства развивались с совершенствованием информационных технологий и на данный момент нашли наглядное выражение в компьютерных средствах связи.

Язык — не единственное явление жизни общества, обслуживающее его нужды, и в то же время в весьма ограниченной мере подчиняющееся контролю с его стороны. Все распространеннее становятся мнения об относительной независимости технологического развития от общественной воли. Сводятся они в основном к утверждению того, что технические достижения не делают жизнь "лучше", "легче", "безопаснее" и т.д. В качестве самого очевидного примера обычно приводится развитие атомной энергетики.

Социальный контроль над научно-техническим прогрессом затруднен высокими темпами последнего, что особенно справедливо по отношению к взрывообразно развивающимся средствам коммуникации. Это позволяет техническим средствам связи не только «успевать» за динамикой эволюции общества, но и в немалой степени определять последнюю.

Вместе с тем, можно проследить некоторые существенные различия между технологическим развитием и лингвистической эволюцией в их отношении к социальному контролю. Выше мы говорили о том, что процессы лингвистической эволюции детерминированы аспектами *массовости, народности, демократичности* и поддаются лишь слабому контролю со стороны *отдельных частей общества, меньшинств* (наиболее образованных слоев или руководящих элит). Технологическое же развитие, наоборот, определяется деятельностью именно таких меньшинств — ученых, научных групп или правительственных контролирующих органов (как в случае с запретом проведения исследований по клонированию человека). Общее здесь то, что ни лингвистическая эволюция, ни технологический прогресс не поддаются *сознательному* контролю со стороны широких слоев общества. Детальное изучение аспектов социологии не входит в рамки данного исследования, однако представляется, что причиной этого является ослабленная рациональность поведения масс.

Итак, можно вести речь об относительной *автономности* технологического развития от воли общества *в целом*. Данный вывод особенно важен для изучения взаимоотношений между общественной волей и лингвистической эволюцией, потому что, как указывалось выше, последняя во многом определяется особенностями технологического развития. Наиболее непосредственно эта обусловленность проявляется через процессы языковой номинации технологических новинок, т.е. через процессы терминотворчества. (Рассматривая стихийность процессов лингвистической номинации, отражающих научно-технический процесс, необходимо отметить, что изменения в “объективной действительности” вообще, отражением которой является язык, также происходят, в основном, вне зависимости от человеческой воли — ср. теорию “невидимой руки”, связанную с именем Р. Келлера).

Традиционный подход к вопросу терминотворчества заключается в признании того, что терминология “легко поддается сознательному регулированию и упорядочению” [12, 474] и, таким образом, является полностью обусловленной потребностями и воздействием общества. Однако еще с конца 1970-х многие ученые, признавая существование целенаправленного воздействия общества на терминосистемы, указывают на его ограниченность, замечая, что “потребности фиксации, передачи, публикации и распространения результатов науки и техники требуют постоянного развития, вследствие чего усиливаются стихийные, неконтролируемые процессы терминотворчества” [13, 235].

Процессы стихийного, неконтролируемого создания терминов заметно усилились на современном этапе языкового развития. Думается, что в условиях информационного взрыва и использования компьютерной техники в коммуникации терминотворчество является особенно хаотичным и трудно контролируемым, что и определяет сущность “терминологического взрыва”.

Здесь немаловажную роль играет тот факт, что значительная масса разработок осуществляется не в научных учреждениях в полном смысле слова, а в лабораториях частных корпораций (примечательно, что доля научных расходов в общей сумме госбюджета США в 1998 году составила лишь 6-7%, во Франции, Германии и Великобритании — 4-5%, в Японии — 3-3,5% [14, 302]. Эти разработчики стремятся дать своим продуктам наименования, наиболее привлекательные не с научной, а с коммерческой точки зрения, иногда регистрируя их в качестве торговой марки, что нередко вынуждает конкурирующие корпорации давать иное название тому же продукту (“денотату”). Следовательно, речь идет о том, что процессы терминотворчества трудно контролируются даже с точки зрения соответствия создаваемых единиц уже существующим номенклатурам.

Кроме того, спецификой сферы компьютерной техники является и то, что немалая и весьма успешная часть работы по ее развитию проводится и отдельными энтузиастами. Крайним выражением этого является деятельность “хакеров”, чьи разработки зачастую превосходят достижения крупных корпоративных производителей компьютерной техники и обеспечения. Разумеется, что создаваемые ими названия разработанных ими же новинок (а иногда — и реноминации уже существующих продуктов) принадлежат, скорее, просторечному стилю, который, как указывалось выше, является традиционным поставщиком ненормативных инноваций.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что терминотворчество как пример наиболее непосредственной связи между технологическим и лингвистическим развитием красноречиво

свидетельствует об ослаблении субъективного общественного контроля над объективными лингвистическими процессами и — в меньшей степени — над научно-техническим прогрессом.

Таким образом, последствия технологического развития общества позволили в новом свете взглянуть на проблематику субъективного социального контроля над объективными языковыми процессами. Генетически и функционально являясь социальным орудием, язык в весьма ограниченной степени подконтролен общественной воле. Это подтверждают и делают более очевидным последствия технологического развития общества, в особенности — информационная революция. Появление *массовых* коммуникаций ознаменовало прежде всего переориентацию с нормативных, фиксированных стилей на просторечные, разговорные, повседневные, являющиеся традиционным поставщиком лингвистических инноваций, в том числе — ненормативных. СМИ ориентируются на ценности своей массовой аудитории, в том числе — на язык, используемый большинством читателей/слушателей в повседневном общении. Именно поэтому, чтобы "сблизиться" с реципиентом и донести до него информацию в наиболее доступном виде, авторы массовых информационных сообщений даже готовы идти на отклонение от литературных норм, если таковые не являются принятыми в повседневном просторечном общении.

Неэффективность попыток социального контроля над этими процессами проявляется в том, что выступления о несоответствии инноваций тем или иным нормам в большинстве случаев обречены появляться в пределах специальных, относительно *немассовых* информационных органов, не обладающих сколько-нибудь существенным влиянием на поведение носителей языка. Массовые же средства коммуникации имеют возможность определять лингвистическое поведение — прежде всего путем воздействия отдельных текстов на идиолекты реципиентов. Кроме того, влиянию языка информационных сообщений на идиолекты реципиентов способствует и тот факт, что сообщения СМИ по-прежнему воспринимаются большинством населения как в той или иной степени авторитетные, несущие признаки определенной нормы.

Пример использования в СССР средств массовой коммуникации для агитации и пропаганды демонстрирует усиление контроля общества (или, по крайней мере, его части — элиты) над процессами языкового развития, обусловленное становлением массовой коммуникации. Однако это не правило, а исключение, наглядно иллюстрирующее потенциальные возможности массовой коммуникации, которые могут развернуться в отсутствие определенных факторов, более характерных для обществ со свободной циркуляцией информации.

Увеличение доступности средств массового обмена информацией, диалогизация массового информационного процесса привели к тому, что возможность создавать массовые информационные сообщения получили не только те, кто прошел для этого специальную подготовку, но и те, кто не обладает достаточными навыками составления массовых сообщений или даже недостаточно ознакомлен с нормой данного языка. В результате, идиолекты, довольно далеко отстоящие от нормы, могут оказывать существенное влияние на последнюю. Данная тенденция еще больше способствовала ограничению контроля над развитием языка.

Еще одним доказательством этой тенденции стало терминотворчество как пример наиболее непосредственной связи между технологическим и лингвистическим развитием. Перенос центров разработки информационных технологий из научных (в строгом смысле слова), подотчетных государству организаций, в коммерческие частные корпорации или в круги разработчиков-энтузиастов способствовал усилению стихийности и неконтролируемости процессов терминотворчества.

Итак, можно заключить, что развитие средств обмена информацией послужило для дальнейшего ослабления субъективного общественного контроля над объективными лингвистическими процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колкер, Ю. Четвертый Рим в эпоху упадка // Звезда. – 1998. - № 11. – С. 179 – 181.
2. Шерковин Ю. А. Массовые информационные процессы / Социальная психология. Краткий очерк. - М.: Политиздат, 1975. - С. 168 - 184.
3. Кахлікян, Р. Метафізика інтерпретації безадресного дискурсу (про здійснення розуміння) // Філософська думка. - 1999. - №1-2. - С. 43 - 63.
4. O'Driscoll, James. Britain. - Oxford: Oxford University Press, 1996. - 224 p.
5. Emmers-Sommer, Tara M.; Allen, Mike. Surveying The Effect Of Media Effects// Human Communication Research. - 1999, June, № 4. - Vol. 25. - P. 478 - 497.
6. Roscoe, Timothy. The Construction Of The World Wide Web Audience // Media, Culture And Society. - 1999. - Sept., № 5. - Vol. 21. - P. 673 - 684.

7. Sheue Yun Chen. State, Media and Democracy In Taiwan// Media, Culture And Society. - 1998, Janury. - №1. - Vol. 20. - P. 11 - 29.

8. Knudson, Jerry W. Rebellion In Chiapas: Insurrection By Internet And Public Relations// Media, Culture And Society. - 1998, July. - №3. - Vol. 20. - P. 507 - 518.

9. Rogers, Everett M. Anatomy Of The Two Sudisciplines Of Communication Study //Human Communication Research. - 1999, June, № 4. - Vol. 25. - P. 618 - 631.

10. Dutton, William H. Network Rules For Order: Regulating Speech In Public Electronic Fora // Media, Culture And Society. - 1996, April. - №2. - Vol. 18. - P. 269 - 290.

11. Харьковская А.А., Шумилин Н.К. Лексико-семантические инновации в языке английской студенческой газеты / Системные связи в лексике и грамматике германских языков.- Самара, 1991.- С. 19 - 24.

12. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. - М.: Советская энциклопедия, 1969. - 608 с.

13. Котов Р.Г. Научно-техническая революция и ее влияние на развитие языка / Онтология языка как общественного явления. - М.: Наука, 1983. - С. 208 - 286.

14. Дынкин А., Иванова Н. Наука и технологии: мировые тенденции (начало) //Общество и экономика. - 1999. - №3-4. - С. 292 - 304.